

№ 24 (57)

Парижъ, суббота 12 Юня 1926 г.

Цѣна отд. № 3 фр.
во Франціи

№ 24 (57)

Samedi, 12 Juin 1926, Paris

Prix du numéro 3 fr.
en France

LA RUSSIE ILLUSTRÉE

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ РОССІЯ

REVUE HEBDOMADAIRE, PARAISSANT A PARIS, TOUS LES SAMEDIS

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

Слѣдующій номеръ выйдетъ въ субботу 19-го іюня.

3-й годъ изданія

Редакторъ: М. П. МИРОНОВЪ.

Редакция и Гл. Контора:

34, Rue de Moscou, Paris (8^e)

Tél.: CENTRAL 92-26

Подписывайтесь на «ИЛЛЮСТРИРОВАННУЮ РОССІЮ».

цѣна:

во Франціи и въ колон. загранич.

на 1 годъ	—	110 фр.	140 фр.
на 6 мѣсяцевъ	—	60 фр.	75 фр.
на 3 мѣсяца	—	35 фр.	40 фр.
на 1 мѣсяць	—	12 фр.	15 фр.

Адресовать: «La Russie Illustrée», 34, Rue de Moscou, Paris 8.

3^eme année

Directeur: M. MIRONOFF.

Rédaction et Administration:

34, Rue de Moscou, Paris (8^e)

Tél.: CENTRAL 92-26

Современная Россія. — Russie contemporaine.



Обѣдъ въ кооперативной столовой. — Repas dans un restaurant coopérative.

СОДЕРЖАНІЕ №

«Пушкинъ въ Парижъ», рассказъ	А. Чернаго.
«Страхъ», рассказъ	Нант. Романова.
«Колесо счастья» (продолженіе) очеркъ	Б. Лазаревского
«Кража у Гордона», рассказъ	А. Ф. Кошко.

БУМЕРАНГЪ!!!

«Страничка для дѣтей», «Театръ и Искусство»,
«Книжная полка», «Парижскія моды», Спортъ.

Подписывайтесь на Иллюстри-
рованную Россію !!

Подписная цѣна :

во Франціи и въ колон.	загран.
на 1 годъ — 110 фр.	140 фр.
на 6 мѣс. — 60 фр.	75 фр.
на 3 мѣс. — 35 фр.	40 фр.
на 1 мѣс. — 12 фр.	15 фр.

ПУШКИНЪ ВЪ ПАРИЖѢ.

Фантастическій рассказъ А. Чернаго.

Конанъ-Дойль, облачая независимымъ состояніемъ и досугомъ, исчерпавъ всѣ свои возможности въ области «новѣйшихъ походовъ знаменитаго сыщика», въ послѣдніе годы, какъ извѣстно, занялся матеріализаціей духовъ. Къ сожалѣнію, далеко не всѣ опыты ему удавались. Такъ однажды, въ концѣ мая 1926 года, онъ чередуясь въ таинственной послѣдовательности пассажи и острыми напряженіемъ воли попытался было вызвать къ жизни шотландскаго пирата Джонатана Пирсона. Пирсонъ, какъ полагалъ Конанъ-Дойль, несомнѣнно зналъ несмѣтное количество легендъ, приключеній и старыхъ повѣрій, авторское право въ потустороннемъ мірѣ никѣмъ не закрѣплено, — стало быть, пиратъ могъ бы, ничѣмъ не рискуя, обогатить творчество маститаго сыщиковѣда на нѣсколько томовъ сразу.

Спуталася ли порядкомъ пассовъ или матеріализующія волны, исходящія изъ позвоночнаго хребта англичанина, приняли не то направленіе и, вмѣсто утесовъ Шотландіи, достигли, никѣмъ не перехваченныя, далекою Псковской губерніи, — но вмѣсто знакомаго по стариннымъ англійскимъ лубкамъ, похожаго на дикобраза Пирсона, въ восточномъ окнѣ передъ удивленными глазами Конанъ-Дойля закачалась незнакомая фигура. Ясные, зоркіе глаза, тугіе завитки волосъ вокругъ крутого широкаго лба, круглыя капитанскія бакенбарды, вздернутый воротъ стариннаго сюртука, закрывающій самое горло сложно повязанный фуляръ. Профессія?.. Быть можетъ, музыкантъ: мягкое мерцаніе глазъ и узкія кисти рукъ позволяли это предполагать, — во всякомъ случаѣ джентльменъ и отборнаго калибра. Пираты такіе не бывають.

— Кто вы такой, сэръ? — спросилъ озадаченный англичанинъ.

Незнакомецъ вѣжливо назвалъ се-

бя, но странный шипящій звукъ ничего не сказалъ Конанъ-Дойлю.

— Скажите, это Лондонъ? — въ свою очередь спросилъ незнакомецъ, твердо и отчетливо выговаривая англійскія слова.

— Да, сэръ. Лучшій городъ въ мірѣ. Человѣкъ въ фуляровомъ галстухѣ отмахнулъ платкомъ клубящійся вокругъ головы туманъ и сдержанно улыбнулся.

— Быть можетъ. Простите, я еще не успѣлъ осмотрѣться... Скажите, какой теперь годъ?

— 1926-ой, — отвѣтилъ Конанъ-Дойль и гостепріимно распахнулъ окно. Онъ зналъ, что матеріализованные духи неохотно проходятъ сквозь стекла. Незнакомецъ явно располагалъ къ себѣ, но нельзя же по душамъ разговаривать съ человѣкомъ по ту сторону окна подъ аккомпаниментъ сиплаго вѣтра и подъ плескъ лондонскаго дождя.

За окномъ никого не было... На противоположной стѣнѣ лопоталъ отклеившійся уголь афиши: «настоящія леди и джентльмены носятъ резиновые каблуки фирмы Крумъ». Стоило ради этой давно намозолившей глаза хвастливой фразы высовывать наружу носъ, подвергая себя простудѣ?... Англичанинъ досадливо крикнулъ, сѣлъ въ кресло и сталъ припоминать: гдѣ, въ какой книгѣ видѣлъ онъ изображеніе, напоминающее его сегодняшняго гостя? И вообще нелѣпо такъ исчезать, обрывая бесѣду на полусловѣ... Странныя у этихъ духовъ понятія о вѣжливости!

А черезъ пять дней послѣ описанной встрѣчи русская эмигрантская колонія въ Парижѣ была взволнована необычайнымъ слухомъ: въ Парижѣ появился Пушкинъ, подлинный Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, поселился въ отелѣ Гюго на улицѣ Вожи-

раръ, по цѣлымъ часамъ роется у букинистовъ на набережной Вольтеръ и упорно нигдѣ въ русскихъ кружкахъ не показывается. Необыкновенный слухъ подтвердился, знаменитый пушкинистъ Х., — настолько знаменитый, что передъ нимъ меркло даже самое имя Пушкина, — клятвенно подтвердилъ въ редакціи свей газеты, что съ фактомъ надо считаться: галстухъ тотъ же, на мизинцѣ пушкинскій перстень, одинъ глазъ темнѣе другого. А вѣдь послѣднее обстоятельство было доподлинно извѣстно пушкинисту и даже послужило основаніемъ его карьеры.

Эмигранты, впрочемъ, черезъ два дня уже довольно спокойно обсуждали это изъ ряду вонъ выходящее происшествіе. Обсуждали наряду съ причинами паденія франка, послѣдней исторической фразой Пилсудскаго («сверкнула молнія!») и предполагаемымъ открытіемъ на сѣверномъ полюсѣ русскаго клуба. Впрочемъ, эмигрантская жизнь сплошной потокъ чудесъ и потрясающихъ событій: однимъ чудомъ больше, — не все ли равно. Но общественныхъ дѣлъ лопаманы не дремали. Принимались рѣшенія, выбирались делегаты... надвигался день «Русской Культуры».

* * *

Солидный приватъ-доцентскаго облика человѣкъ, провѣривъ въ коридорномъ зеркалѣ позу сдержаннаго самоуваженія, поправилъ въ петлицѣ академическія пальмы и четко поступался въ занимаемый Пушкинымъ номеръ.

Пушкинъ всталъ, вытянулся и, изумленный бойкимъ строемъ гладкой тирады, такъ и остался на ногахъ до конца рѣчи, словно принимая рапортъ — Глубокоуважаемый Александръ Сергѣевичъ! На меня выпала высокая честь привѣтствовать Васъ отъ лица нашего прогрессивно-радикальнаго

БОЛЬШЕ ЛѢТНІЕ МАНЕВРЫ ВЪ СОВ. РОССІИ.



Красная кавалерія на маневрахъ. — У водопоя.



Калининъ, окруженный «евитой», смотритъ съ палубы крейсера «Гроза» на маневры флота.

объединенія. Кажется, никто справа меня не предупредилъ... Вы въ эмиграции человекъ новый, но можно-ли сомнѣваться, что душой и тѣломъ, отъ первыхъ лицейскихъ опытовъ до послѣдняго аккорда вашей лирическо-радикальной арфы, Вы съ нами. Угнетаемый свѣтской чернью, придавленный въ своихъ свѣтлыхъ порывахъ грубымъ сапогомъ царизма и жандармской цензуры, другъ декабристовъ, авторъ оды «Вольность», «Цыганъ», «Дубровскаго», «Анчара», —

Вы, конечно, не могли мыслить государственнаго устренія въ иныхъ формахъ, чѣмъ мыслимъ его мы. Ознакомившись подрбно съ политической программой нашего объединенія, которую я имѣю честь Вамъ вручить, вѣрю сердцемъ, что Вы завтра же запишетесь въ число сочувствующихъ и не откажетесь отъ принадлежащаго Вамъ по праву почетнаго предсѣдательства на устраиваемомъ нами прогрессивно-радикальномъ торжествѣ въ день «Русской Культуры».

Дабы не утруждать Васъ, отвѣтъ Вашъ и привѣтствіе нашему объединенію составлены нами заранее. По ознакомленіи съ этимъ отвѣтомъ, — вы, разумѣется, имѣете право на отдѣльныя стилистическія поправки, но основныя линіи измѣненію не подлежатъ...

Солидный человекъ положилъ на столъ программу, проектъ отвѣта и, самодовольно покосившись на себя въ зеркало, откланялся.

**

Второй посѣтитель нисколько не былъ похожъ на перваго. Тощее, унылое лицо класснаго наставника, огромная университетская бляха, прикрѣпленная къ лацкану стараго вицмундира, плоско и однообразно помахи-зающая ладонь правой руки, отсчитывавшая, словно метрономъ, каждое слово...

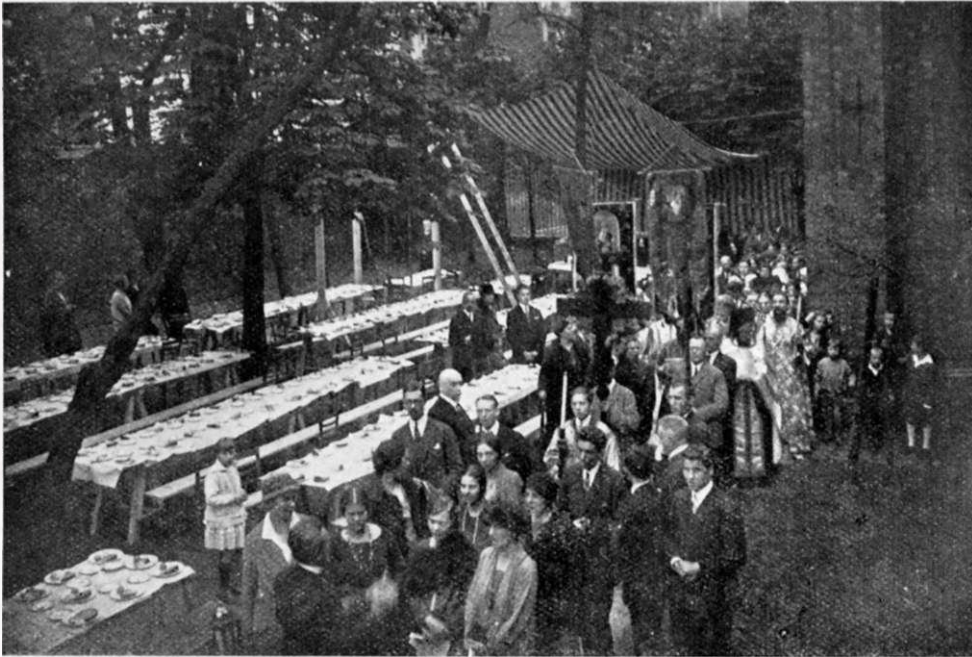
— Милостивый Государь, Александръ Сергѣевич! Для нашей, самой мощной зарубежной организаціи несомнѣнно ясно, что Вы, являясь строгимъ представителемъ классическаго консерватизма въ искусствѣ, внесли таковой же вкладъ и въ исторію русской общественности. Вращаясь въ высокихъ сферахъ, получая на изданіе своихъ трудовъ Августѣйшія субсидіи, будучи Всемилостивѣйше удостоены званія камеръ-юнкера, и повергая къ Высочайшимъ стопамъ на предметъ личнаго утвержденія, черезъ посредство графа Бенкендорфа, Ваши трезвоохранительныя произведенія, Вы тѣмъ самымъ, сами того не сознавая, стали предтечей нашихъ, единственно здравыхъ въ мятущейся эмиграціи идей. Обращаясь къ автору «Полтавы» и «Капитанской дочки», мы увѣрены, что въ день «Русской Культуры» Вы съ нами. Другого выбора нѣтъ: либо Пугачевъ, Лже-Димитрій и ихъ демократическіе приспѣшники, либо мы. *Tertium non datur.*

Ваше Превосходительство! Редакція нашей самой распространенной и самой литературной газеты, считая своимъ долгомъ закрѣпить Васъ за нами, поручила мнѣ заключить съ Вами контрактъ на два года, съ предоставленіемъ Вамъ мѣста по воскресеньямъ въ отдѣлѣ «Маленькаго фельетона». Принимая во вниманіе Ваше положеніе вновь прибывшаго въ Парижъ эмигранта-литератора, мы широко идемъ Вамъ навстрѣчу. Посему, благоволиите принять авансъ въ 100 франковъ съ выдачей мнѣ на роспискѣ автографа въ полученіи оныхъ. Честь имѣю кланяться.

**

Третій посѣтитель, похожій на оторопѣлаго леща, не стучась, вкатился въ номеръ и, уперевъ кулаки въ бока, залихватски доложилъ:

Дѣтскій праздникъ въ Сергіевскомъ подворьи въ Парижѣ.



По инициативѣ митрополита Евлогія, въ Сергіевскомъ подворьи въ Парижѣ, былъ недавно устроенъ большой дѣтскій праздникъ. Послѣ богослуженія десятки маленькихъ приглашенныхъ обѣдали на свѣжемъ воздухѣ, за столами разставленными въ саду подворья. Наша фотографія изображаетъ крестный ходъ происходившій во время молебствія.

— Александръ Сергѣевич! Интеллигенція погубила Россію.

— Н-да-съ!

Всякіе шмаравозы, вродѣ Герценовъ, Пироговыхъ и прочихъ милюковскихъ молодчиковъ, подтачивали функции нашего историческаго фундамента, пока онъ не рухнулъ.

Что-съ?!

А вотъ что-съ: не совать зря свой носъ въ разныя политическія платформы. Консерватизмы, футуризмъ, демократизмы... Что голландцу здорово, то русскому смерть! Любите, какъ я, нашу Матушку Родину, держите высоко свой стягъ, какъ держу его я, — остальное приложится. Вотъ-съ.

Александръ Семенович!

Мы съ дѣтства, облитые лучами вашего безпартійнаго, истинно-русскаго творчества, почитываемъ ваши ямбы и прочіе амфибрахи. «Въ армякъ, съ открытымъ воротомъ» — завѣтъ Вашъ мы хранимъ свято. Будьте покойны-сь! Именно, любовь къ народу, попросту, безъ платформъ, безъ всякихъ интеллигентскихъ фиглей-миглей. А когда народу вожжа подъ хвостъ попала, нечего съ нимъ дурака валять!.. Я это говорилъ еще не предпарламентскомъ совѣщаніи. Но шмаравозы меня не послушали. Результаты на лицо.

Н-да-съ...

Александръ Спиридонович!

Нашъ безпартійный органъ желаетъ Васъ въ складчину чествовать въ «Аскольдовой Могилѣ». Цѣна съ персоны 40 франковъ. Съ Васъ, какъ съ великаго писателя земли русской, —

половина. Программа выдающаяся: при участіи знаменитыхъ цыганскихъ, боярскихъ и композиторскихъ силъ, съ инсценировкой при бенгальскомъ освѣщеніи вашего захватывающаго сонета: «Лѣсной Царь».

Русское спасибо и земной поклонъ, Александръ Созонтович! Запомните дату: 7-го іюня, ровно въ 9 часовъ вечера, адресъ въ объявленіяхъ. Н-да-съ.

* * *

Пушкинъ прислушался: мѣдлобый тыквилицыи человекъ пропыхтѣлъ въ корридоръ и исчезъ.

— Однако, какую Ноздревъ въ Парижѣ карьеру слѣлалъ! — усмѣхнувшись, подумалъ поэтъ.

Прошелся по комнатѣ, зѣвая, посмотрѣлъ на грязный потолокъ, и вдругъ вспомнилъ старую псковскую поговорку:

— Корова реветъ, медвѣдь реветъ, а кто кого деретъ, самъ чертъ не разберетъ...

Позвонилъ слугу.

— Всѣ?

— Тамъ еще, monsieur! отъ крайнихъ правыхъ дожидаются и отъ пражскихъ эс-эровъ...

Поэтъ покачался на каблукахъ.

— Масоны, вѣрно, какіе-нибудь... Скажите, что я уѣхалъ, — строго сказалъ онъ слугѣ. — Что это у васъ?

— Почта.

Французъ, удивленно поглядывая на старинный покроя платья постояльца, положилъ письма на столъ и удалился.

Пушкинъ взялъ плотную пачку конвертовъ. Вялымъ движеніемъ вскрылъ одинъ, другой...

«Одесское землячество въ Парижѣ, подтверждая геніальному собрату свое почтеніе и держа его, на основаніи біографіи, тоже въ нѣкоторомъ родѣ за одессита, проситъ его выступить на суарѣ землячества, 12-го іюня, въ пользу открываемыхъ его имени курсовъ по разведенію синихъ баклажановъ и уходу за дамской гигиеной лица».

— «Директоръ Акціонернаго Общества «Руссофильмъ» проситъ назначить часъ для переговоровъ о передѣлкѣ «Капитанской дочки» въ комическій сценарій. Предложеніе исключительно дѣловое. Просилъ бы до встрѣчи составить подробный конспектъ, не особенно напирая на обстновочность».

Телеграмма:

— «Редакція «Благонамѣреннаго» проситъ обратной почтой прислать статью о Пастернакѣ. Привѣтъ старь. му учителю отъ молодыхъ титаново-Руководитель Огурцовъ».

— «Милостивый Государь, Господинъ Пушкинъ.

Обращаюсь къ вамъ столь официально, за неимѣніемъ подъ рукой, какъ васъ по батюшкѣ.

Я извѣстный бессарабскій издатель Кандалупа. Въ Румыніи особенно благоприятный для васъ рынокъ, потому что русскія книги пропускаются сюда съ баснословнымъ трудомъ, а нѣкоторые ваши сюжеты, изданные на мѣстѣ, могли бы имѣть успѣхъ.

Находясь проездомъ въ Монте-Карло, пріѣхалъ бы, не щадя билетныхъ расходовъ туда и сюда, если бы получилъ Вашъ принципиальный отвѣтъ: нѣтъ ли у васъ интимныхъ стишковъ, вродѣ Кишиневскихъ, страницъ на сто съ портретомъ и факсимиле? Условія: обычно никому не платимъ, но такъ какъ у васъ имя, могу дать 5% съ обложечной цѣны; первая уплата 1 апрѣля 1932 года. (Число Почтоваго штемпеля).

Извѣстный вамъ Кандалупа».

Пушкинъ поморщился, смахнулъ въ туалетное ведро остальные письма и подошелъ къ окну. Слава Богу, стемнѣло. Ахъ, какой нелѣпый день!..

Онъ вынулъ изъ кармана случайно завалявшійся тамъ луидоръ, положилъ его на видномъ мѣстѣ — на край ночного столика, нажалъ кнопку звонка, быстро распахнулъ окно... и...

Отельный слуга былъ очень удивленъ: въ номерѣ никого, въ ведрѣ грязная куча набухихъ конвертовъ, никакихъ слѣдовъ багажа, на столикѣ тускло блеститъ старинная золотая монета... Что за дьяволъ?..

Парижъ, 1926.

А. Черный.